

ТРАДИЦИИ И ВЕРОВАНИЯ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-3/263-274

Научная статья

© Е. С. Бастрикина

ВЛИЯНИЕ ЭПИДЕМИЙ И ПАНДЕМИЙ НА ВИЗУАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ ХРИСТИАНСТВА: ОБРАЗЫ СВ. ХРИСТОФОРА И ЧЕТЫРНАДЦАТИ СВЯТЫХ ПОМОЩНИКОВ

В статье исследуется влияние эпидемий и пандемий, в особенности пандемии бубонной чумы («Черной смерти») XIV века, на визуальную культуру западного христианства. На примере двух взаимосвязанных культов — святого Христофора и группы Четырнадцати святых помощников — автор показывает, как угрозы здоровью и жизни трансформировали религиозное сознание и его материальное воплощение. Анализ эволюции образа св. Христофора демонстрирует закрепление за ним новых функций: от защиты от внезапной смерти до покровительства путешественникам и защиты от чумы. Рост популярности святого привел к появлению монументальных фресок на фасадах церквей вдоль паломнических путей, особенно в Альпах, чтобы каждый путник мог увидеть его ежедневно и обрести спасение. На примере Четырнадцати святых помощников прослеживается формирование нового группового культа как прямого ответа на запрос о защите от болезней. Возникнув в Германии, это объединение святых мучеников получило широкое распространение именно в эпоху чумы, а позднее было усилено появлением крупного паломнического центра Фирценхайлиген. Таким образом, оба примера иллюстрируют, как демографические катастрофы стимулировали развитие новых форм почитания, иконографии и сакральной географии.

Ключевые слова: эпидемии и пандемии, визуальная культура христианства, средневековая Европа, святой Христофор, культ святых, Четырнадцать святых помощников

Ссылка при цитировании: Бастрикина Е. С. Влияние эпидемий и пандемий на визуальную культуру христианства: образы св. Христофора и Четырнадцати святых помощников // Вестник антропологии. 2026. № 3. С. 263–274.

Бастрикина Елизавета Сергеевна — стажер-исследователь и аспирант Центра европейских исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32а). Эл. почта: bastrikinaelizavetawork@gmail.com

* Публикация подготовлена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-3/263-274

Original article

© Elizaveta Bastrikina

THE IMPACT OF EPIDEMICS AND PANDEMICS ON THE CHRISTIAN VISUAL CULTURE: ST. CHRISTOPHER AND THE FOURTEEN HOLY HELPERS

This article examines the impact of epidemics and pandemics, particularly the bubonic plague (“Black Death”) pandemic of the 14th century, on the visual culture of Western Christianity. Using the example of two interrelated cults — St. Christopher and the group of Fourteen Holy Helpers — the author demonstrates how threats to health and life transformed religious consciousness and its material embodiment. An analysis of the evolution of the image of St. Christopher demonstrates the acquisition of new functions: from the protection from sudden death to patronage of travelers and protection from the plague. The saint’s growing popularity led to the creation of monumental frescoes on church facades along pilgrimage routes, especially in the Alps, so that every traveler could see him daily and find salvation. The example of the Fourteen Holy Helpers illustrates the formation of a new group cult as a direct response to the demand for protection from disease. Originating in Germany, this association of holy martyrs became widespread during the Black Death and was later strengthened by the emergence of a major pilgrimage center Vierzeh-nheiligen. Thus, both examples illustrate how demographic catastrophes stimulated the development of new forms of veneration, iconography, and sacred geography.

Keywords: epidemics and pandemics, Christian visual culture, medieval Europe, Saint Christopher, cult of saints, Fourteen Holy Helpers

Author Info: Bastrikina, Elizaveta S. — Intern Researcher and Ph.D. student of the Center for European Studies, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: bastrikinaelizavetawork@gmail.com

For citation: Bastrikina, E. S. 2026. The Impact of Epidemics and Pandemics on the Christian Visual Culture: St. Christopher and the Fourteen Holy Helpers. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 263–274.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Введение

Эпидемии, пандемии и вспышки болезней в течение всей человеческой истории оказывали большое влияние на общество, напрямую отражаясь как в исторических источниках, так и в культуре человеческого общества в целом. Сосредоточиваясь на визуальных его проявлениях на религиозную культуру, можно выделить два основных типа источников: вербальные и визуальные. Визуальные представляют из себя фрагменты храмовой декорации, алтарные композиции, картины, скульптуру

и мелкую пластику, также предметы декоративно-прикладного искусства и книжные миниатюры богословских текстов. К вербальным источникам относятся житийные тексты, религиозные тексты, стихотворные и иллюминированные манускрипты (например, манускрипты из Британской библиотеки «A collection of poems by John Lydgate» (Harley MS), «The Mostyn Psalter-Hours» (Add MS) и «Book of Hours, use of Sarum (The 'Neville of Hornby Hours')» (Egerton MS), в которых содержатся стихотворные упоминания св. Христофора и Четырнадцати святых помощников, являющихся одними из основных покровителей от различных болезней).

Одними из наиболее ярких примеров изменения визуальной христианской культуры в обстоятельствах крупных вспышек болезни являются перемены, касавшиеся отображений образов святых. Смертность от болезней в средневековом европейском обществе была велика из-за неумения правильно хранить продукты, недоедания и примитивного состояния медицины. Болезни воспринимались как «божье наказание», и чума не стала исключением в этом понимании. Более того, о первой пандемии бубонной чумы осталось мало письменных источников, четко документирующих события, и связано это именно с пониманием мора как «божьей кары» (Делюмо 2003: 156). Раз новая смертельная болезнь — это наказание за грехи, то она не нуждается в четком описании симптомов и создании схем лечения (несмотря на то, что клиническое описание болезни уже было в ходу к тому времени), так как кара божья неотвратима (Делюмо 2003: 157). Это также неразрывно связано с распространением своеобразного религиозного настроения, построенного на самобичевании: страдания во имя покаяния за грехи свои и чужие популяризовались и поощрялись как в простом народе, так и среди привилегированных слоев населения и монархов. Набиравший популярность францисканский орден с начала XIII в. нес в массы житие св. Франциска Ассизского, который с помощью самобичевания стремился познать боль самого Христа, множество рассказов о праведниках, умерщвлявших свою плоть, становились примером, но и моральное самобичевание также приветствовалось и культивировалось (Гуревич 1990: 154). Это только помогало развитию понимания Черной смерти как кары за грехи, от которой следовало искать не лечения, а божественного прощения и спасения (Гуревич 1990: 154).

Божественным спасением для народных масс становился культ святых, пришедший на смену не одобряемым церковью магическим обрядам, активно искоренявшимся (Гуревич 1990: 154–156). Святые вызывали доверие, так как были людьми при жизни, и не считались мертвыми, так как погибнув, они вознеслись (существовало даже поверье, что они заняли десятый ангельский чин, опустевший после поражения Люцифера) (Гуревич 2007: 66–67). Вера в способность святых помочь как от бытовых проблем, так и от любого проявления божьего гнева, была весьма велика. Буквально каждый святой был защитником от какой-то определенной проблемы, и часто его роль определялась либо по этимологии имени (находился термин, похожий по звучанию или смыслу, из-за чего роли святых на разных территориях с разными языками могли варьироваться), либо по прямым цитатам из житий. Большая часть функций святых касалась различных болезней и недугов, так как они были основными и самыми частыми проблемами населения (Гуревич 2007: 71–78).

В качестве показательного примера данного явления можно рассмотреть развитие образов св. Христофора и группы Четырнадцати святых помощников. Они взаимосвязаны, так как св. Христофор входит в состав вышеупомянутой группы, представители которой являются защитниками от различных болезней.

Св. Христофор являлся крайне популярным святым на территории средневековой Европы, особенно в альпийском регионе, и исполнял функции защитника от чумы, внезапной смерти и несчастных случаев в паломнических путешествиях. Его изображения в храмовой декорации были очень распространены, что позволяет считать его выразительным примером постепенного изменения культа святых в визуальной христианской культуре средневековья и обретения святыми новых функций. Группа Четырнадцати святых помощников же является отображением ситуации, когда отдельные святые группировались в ответ на запрос о защите от болезней, тем самым показывая развитие религиозной культуры под влиянием угроз жизни и здоровью людей.

Развитие новых функций образа святых в связи с болезнями и высокой смертностью на примере св. Христофора

Одними из ярчайших образцов попыток западной христианской культуры ответить на запросы пораженного болезнями и эпидемиями населения являются изменения, которые претерпел образ святого Христофора в средневековой Европе. На его примере можно проследить эволюцию, которую претерпевал образ святого в ситуации экстремальных угроз жизни и здоровью, наглядно показывая, как религиозная культура приносила облегчение и комфорт верующим. Святой Христофор — это христианский мученик, почитание которого возникло в Малой Азии в середине V в., а к VII в. появилось и на территориях Европы, о чем свидетельствуют письменные источники о церквях и монастырях, названных его именем в этот период (De S. Christophoro Martyre 1729). Святой, в восточной иконографической традиции и житийных текстах имеющий облик собакоголового человека (De S. Christophoro Martyre 1729), на европейских территориях с течением времени и ростом популярности приобретал другие черты в изображениях и жизнеописаниях.

Первая и основная роль св. Христофора в сознании средневекового человека как защитника от внезапной смерти в течение дня вызывает закономерный вопрос о ее происхождении. Существует несколько гипотез, отвечающих на него.

Первая гипотеза касается ранних житий св. Христофора. Как было упомянуто выше, он считался одним из Четырнадцати помощников — группы святых, которые на грани смерти молились Богу, чтобы Он даровал им возможность помогать людям и после смерти (De S. Christophoro Martyre 1729). Св. Христофор также являлся святым, молившим о помощи людям после смерти, что отражено в ранних его житиях, относящихся к VIII–X вв.: «...Куда бы они ни положили мою плоть, пусть град не бьет там, ни гнев огня, ни голод, ни смерть, и если есть злоумышленники или язычники в этом городе, и они приходят и молятся всем своим сердцем и призывают меня в своих молитвах, пусть они будут спасены» (De S. Christophoro Martyre 1729); «Господи, даруй моему телу такое чудо: чтобы все, кто владеет частью моих мощей, заслужили такую благодать, что ни злой дух, ни телесная болезнь не сломят их. Боже, будь то город, большая территория или маленькая деревня, где лежат некоторые из моих мощей, пусть там не появятся град, лихорадка или неурожай, и куда бы ни перевозились мои мощи, если этим регионам был нанесен ущерб, даруй им благодать моего присутствия...» (Passio 1882). Изначально образ св. Христофора, как и других Четырнадцати помощников, защищал от различных угроз жизни, травм и болезней, но со временем его влияние сузилось до защиты от внезапной смерти в течение дня (Rosenfeld 1938: 418–420).

Вторая гипотеза касается образа не самого св. Христофора, а младенца Христа. В XII–XIII вв. в Европе происходили усиление почитания таинства евхаристии и популяризация убеждения что в момент преломления хлеба можно увидеть сошествие самого Христа воплоти (Mayer 1938: 237). В связи с этим сложилось поверье, что увиденный образ Христа может защитить от голода, жажды и смерти, но даже в случае кончины, это была смерть благодатная: взгляд на образ Христа подразумевал, что смотревший тем самым уже причастился (Mayer 1938: 237). Позднее подобные представления распространились на фресковые изображения Христа и алтарные образы, потому как такое изображение было более понятно для простого прихожанина и не ограничивало количество возможных взглядов на него (Mayer 1938: 253). Св. Христофор же всегда изображался с младенцем Спасителем, оправдывая свое имя — «несущий Христа», что могло дать толчок к переносу функции защиты от смерти на его образ (Mayer 1938: 253).

Другой вопрос, касающийся этой основной функции святого — почему он защищает именно от внезапной смерти? Важность фактора неожиданности смерти всегда подчеркивается в любых его описаниях. Эта деталь обусловлена пониманием о благой смерти, существовавшем в средневековом обществе. Смерть благая должна была происходить по определенным правилам, включавшим в себя прощание с родными, причастие, исповедь и некоторые другие обряды, позволяющие человеку уйти из жизни праведным и освобожденным от грехов (Арбес 1992: 42). Согласно сочинениям французского епископа Гийома Дюрана, датированным XIII в., на смертном одре происходила борьба дьявола с ангелами, и если человек успел незадолго до смерти совершить все необходимые обряды, то дьявол не мог схватить его душу, и человеку было уготовано место в Раю (Fuhrmann 1997: 9). Смерть неожиданная же считалась низменной и греховной, практически проклятой, потому что человек не смог к ней подготовиться. Таких умерших хоронили без отпевания и вдали от тех, кто умер благой смертью (Арбес 1992: 43–45). Таким образом, смерть внезапная считалась ужасной судьбой, ведь ушедший неожиданно мог попасть только в Ад. Св. Христофор же предоставлял возможность с помощью одного взгляда на свой образ спастись от этой ужасной участи: с течением веков сложилось поверье, что для спасения от внезапной смерти достаточно только одного взгляда за день на изображение святого (Rigaux 1996: 241). Согласно вышеупомянутым гипотезам, в первом случае это обусловлено отношением средневекового человека к культу святых, согласно которому святые обязаны были помогать верующим по их молитвам. В наибольшей степени эта обязанность закреплялась за Четырнадцатью помощниками, одним из которых и был св. Христофор, а потому он был обязан помогать молящимся с помощью одного взгляда на его изображение (Rosenfeld 1938: 418–420). Вторая гипотеза, связанная с популяризацией евхаристии, утверждает, что спасительное действие взгляда на образ Христа было перенесено на образ св. Христофора, также как и поверье, что одного взгляда достаточно для спасения, а повторный взгляд лишь усиливает защиту (Mayer 1938: 253).

Благодаря изучению существующих гипотез о происхождении роли св. Христофора как защитника от внезапной смерти, можно заключить, что с постепенным увеличением популярности образа святого благодаря появлению переработанной и более понятной версии его жития в «Золотой легенде» Иакова Ворегинского (Ворегинский 2018) и увеличению темпов торговли и путешествий в Европе в течение XIII–XVI вв. (Ле Гофф 1992: 77–78) увеличивалось и количество изображений с его образом.

Как уже было сказано ранее, популярность образа св. Христофора постепенно росла, что способствовало увеличению количества его изображений. Нужда в защите от внезапной смерти доходила до такой степени, что образ святого надо было видеть каждый день, что оказывалось тяжело выполнимым в долгих путешествиях и паломнических походах. В связи с этим на фасадах церквей, расположенных на паломнических и торговых путях, стало появляться большое количество фресковых изображений святого, а в помещениях — алтари с изображением св. Христофора или Четырнадцати святых помощников, что постепенно привело к появлению его новых функций как защитника (*Hahn-Woernle* 1972: 10).

В основном на подобных путях фресковые изображения располагались на фасадах паломнических церквей, внутри которых они встречались редко. Лишь крупные и популярные у паломников церкви, куда часто заходили для молитвы, имели фреску со св. Христофором внутри помещения, но это являлось скорее исключением из общей картины (*Hahn-Woernle* 1972: 10). Общей чертой фресок на паломнических и торговых путях также было их расположение — они должны были быть расположены в непосредственной близости от дороги, чтобы не приходилось ходить вглубь деревни или города, и видны путешественникам, идущим в определенном направлении (например, спускающимся с холма). Это подтверждается при изучении наиболее популярных паломнических путей XIII–XVI вв.: горных перевалов в Южном Тироле, швейцарских кантонах Граубюнден, Тичино и Бернский Оберланд, а также австрийского района Каринтия (*Rosenfeld* 1938: 421). Помимо этого, перевал Сен-Готард, после XIII в. обошедший по популярности другие швейцарские пути в Рим (такие как Крузли и Лукманиер) также богат фресковыми изображениями св. Христофора близ дорог, что лишь подтверждает утверждение о важности именно такого расположения изображений с образом святого (*Poeschel* 1942: 2–3). Как мы можем заметить, популярность образа касается в первую очередь альпийского региона, что объясняется большим количеством вышеперечисленных путей там: через Альпы совершался паломнический переход в Рим, потому именно в этом районе возникала наибольшая потребность в ежедневной защите свыше. В горах было чрезвычайно опасно путешествовать: паломников подстерегали разбитые мосты через ручьи, сильные штормы, снег, лавины (*Rosenfeld* 1938: 422).

Представление о необходимости в ежедневной защите от внезапной смерти, распространенное в течение XII–XIII вв., а позднее (XIV–XV вв.) от болезней и непогоды, способствовало появлению определенных традиций, соблюдаемых на альпийских дорогах. Изображения св. Христофора на фасадах церквей начиная с XIV в. располагались, как правило, через равные промежутки пути. Эти промежутки высчитывались так, чтобы человек, идущий по дороге пешком, мог видеть изображение святого как минимум один раз в день, получая спасение от напастей и одновременно тем самым отмеряя расстояние, которое он уже прошел (*Hahn-Woernle* 1972: 28).

В качестве исключения из всех вышеперечисленных закономерностей и традиций, встречаются в альпийском регионе также фасадные фрески с образом св. Христофора, расположенные не около дорог, а так, что увидеть их можно было только на входе или выходе из населенного пункта, а также на подъеме из долины. Эти изображения создавались уже не для паломников, а для земледельцев и рабочих, уходивших на работу слишком рано и возвращавшихся слишком поздно, чтобы посетить службу (*Poeschel* 1942: 201–202).

Также стоит отметить символические предпосылки к появлению данной функции образа св. Христофора, содержащиеся в его фресковых изображениях. Начавшие появляться с XIV в. изображения святого, пересекающего реку с младенцем Христом на плечах (согласно житийному тексту из «Золотой легенды» Иакова Ворагинского (*Ворагинский* 2018) содержали в себе символическое отображение избавления от грехов язычества, переход в христианскую веру. Это поступок, приводящий к бессмертию души, ее своеобразное путешествие в жизнь безгрешную. Это делает самого св. Христофора как путешественником, так и их покровителем (*Rigaux* 1996: 249–251).

Если говорить о скульптурных изображениях святого, то в этом случае также прослеживается зависимость их распространения от паломнических путей. Наиболее часто они встречаются в паломнических церквях в регионах Австрии, некогда бывших территориями Тироля и рядом с ними (Верхняя Австрия, Зальцбург, Каринтия и др.) (*Rigaux* 1996: 249–251). В большинстве своем эти композиции содержат в себе изображения св. Христофора и других святых, несущих схожие функции защиты паломников или защиты от болезней. Часто встречаются изображения святого в группе Четырнадцати святых помощников или с некоторыми представителями этой группы.

Все вышеописанное приводило к тому, что к XV в. св. Христофор получил роль покровителя путешественников и паломников (*Rigaux* 1996: 246). Эта роль долгое время (примерно до XVII в.) популяризировалась исключительно в альпийском регионе, где находилось самое большое количество паломнических путей и изображений святого соответственно. При такой большой популярности его образа, расположенного буквально на каждом горном перевале, в специальном паломничестве к самому св. Христофору не было нужды, так как Святой всегда был на виду (*Rosenfeld* 1938: 442). Тем не менее, все в том же альпийском регионе основывались монашеские братства и госпитали, называемые именем святого и помогавшие паломникам — например, братство св. Христофора в Арльберге, важном дорожном узле между Северным и Южным Тиролем, или подобное братство в Тауферсе (*Rosenfeld* 1938: 443).

Начиная с конца XIII века, образ св. Христофора начинает получать большое распространение на новых территориях, связанных с паломническими и торговыми путешествиями, что можно объяснить существенным усилением торговли и общей миграции в Европе в этот период (*Ле Гофф* 1992: 77–78). Это привело к появлению в XV в. у святого новой роли защитника набирающей силу социальной группы путешествующих паломников, а также стало одним из социокультурных факторов, способствующих популяризации образа и появлению новых иконографических схем.

В середине XIV в. произошло событие, ставшее одним из факторов популярности образа св. Христофора, активного роста числа его фресковых изображений и разработки новых иконографических типов. Этим событием была эпидемия бубонной чумы в 1347–1352 гг., также известная как «Черная смерть».

Начало эпидемии принято связывать с территорией Крымского полуострова, откуда болезнь перешла на все Средиземноморское побережье, и уже к 1349 г. распространилась по всей Европе и дошла до стран Скандинавии. Пандемия уничтожила от трети до половины населения Европы, а повторные вспышки продолжались до начала XV в., и население к этому времени сократилось вдвое по сравнению с 1346 годом. Вторая же вспышка болезни произошла в 60-е годы XIV в., и к тому времени стало понятно, что чума — не единовременное событие (*Уикхем* 2020: 333–334).

Св. Христофор не стал исключением. Основной его ролью уже с XII в. считалась защита от внезапной смерти, но роль защитника от болезни в целом также была известна, пусть и не настолько популярна. Она отражена практически во всех известных на данный момент житиях святого. В житии «*Passio Sancti Christophori Martyris*», относящемся к X в., св. Христофор перед казнью просит Бога о праве быть защитником христиан от бедствий: «Господи, даруй моему телу такое чудо: чтобы все, кто владеет частью моих мошей, заслужили такую благодать, что ни злой дух, ни телесная болезнь не сломят их» (*Passio* 1882). В самом раннем житии VIII–X вв., «*De S. Christophoro Martyre*» и в житии из «Золотой легенды» Иакова Ворагинского прямого указания на это не дается, но есть указание на то, что кровь святого исцеляет от тяжелых недугов: «И он взял немного земли с того места, где он страдал, вместе с небольшим количеством его крови, и положил ее на глаз во имя Бога Христофора, и его глаза были открыты в тот самый час...» (*De S. Christophoro Martyre* 1729); «Царь взял его кровь и протер себе глаза со словами: «Во имя Бога и святого Христофора!», и зрение немедленно вернулось к нему» (*Ворагинский* 2018).

Тем не менее, после эпидемии середины XIV в. эта функция святого стала еще более популярна. Количество его изображений к концу века серьезно сократилось, что может быть объяснено большим количеством смертей, связанных с эпидемией (некому и некогда было расписывать церкви), но к концу XIV — началу XV в. возросло вновь, и очень значительно. Образ св. Христофора стал восприниматься как защитник от чумы, не только от внезапной смерти. Доказательством этого может служить письменное свидетельство конца XIV — начала XV в., затронутое в работе Риго, где упоминается церковь в швейцарском кантоне Тичино (на данный момент не сохранившейся), которая была посвящена св. Христофору и имела несколько фресок с его изображением. Все эти фрески были написаны по заказам донаторов во имя защиты от Черной смерти (*Rigaux* 1996: 247).

Таким образом, эпидемия бубонной чумы в середине XIV в. стала одним из факторов популяризации поклонения св. Христофору. Она не была единственным фактором, но стала одним из решающих, так как дала святому еще одну защитную функцию, что способствовало распространению его образа.

Появление новых покровителей от болезней и эпидемий на примере Четырнадцати святых помощников

Четырнадцать святых помощников (*Vierzehn Nothelfer*) представляют собой группу из четырнадцати святых мучеников и мучениц, почитаемых в западной христианской традиции в качестве заступников от болезней и смерти. Это почитание служит характерным примером адаптации религиозной культуры к запросам народа, ищущего покровительства и защиты. Культ данной группы зародился в Регенсбургском регионе Германии. Формирование круга Четырнадцати святых помощников началось в раннем XIV столетии с выделения тройки мучениц — святой Марины Антиохийской, святой Екатерины Александрийской и святой Варвары Илиопольской. Их совместное почитание приобрело такую популярность, что уже в 1377 г. регенсбургский епископ Конрад фон Хаймбург официально предписал чествовать их вместе (*Leichenring* 2004: 5). Именно эти святые стали ядром для формирования более широкой группы: к ним постепенно присоединились сначала одиннадцать (к 1320-м годам), а затем четырнадцать святых. Данный процесс находит подтверждение как в записях молитв из

монастырей в окрестностях Регенсбурга (*Leichsenring* 2004: 4), так и в первом задокументированном совместном изображении святых помощников — фреске 1320-х гг. в церкви св. Власия, где представлены одиннадцать мучеников, позднее вошедших в окончательный состав Четырнадцати святых помощников.

Первоначальный список, утверждённый Регенсбургской епархией, включал десять мучеников, три мученицы, а также одного святого, не являвшегося мучеником: вышеупомянутые св. Варвара Илиопольская, св. Екатерина Александрийская, св. Марина Антиохийская; св. Акакий Каппадокийянин, св. Власий Севастийский, св. Христофор, св. Кириак, св. Эразм, св. Юстас, св. Георгий, св. Пантелеимон, св. Вит и св. Эгидий (единственный не-мученик). Народная молва наделила всех членов группы способностью защищать не только от болезней и смерти, но и от падежа скота, а многих — и от одержимости злыми духами. В дальнейшем состав группы варьировался в зависимости от региона: на различных территориях к первоначальному списку добавляли местночтимых святых, иногда заменяя ими исходных заступников. Примечательно, что большинство святых помощников имеют восточное, греко-византийское происхождение, а их проникновение в Германию, вероятно, связано с ранними культурными контактами Регенсбурга с Юго-Восточной Европой, куда культы определенных святых приходили вследствие постоянных контактов с Византией. Примерно в середине XIV в. культ начал распространяться в другие германские земли — Бамберг, Вюрцбург, Нюрнберг, а также в Эльзас, в тот период бывший немецкой территорией (*Моруа* 2021: 106). Причиной этому можно предположительно назвать эпидемию чумы в 1347–1352 гг. В условиях средневекового общества с его высокой смертностью, примитивной медициной и восприятием болезней как «Божьей кары», чума лишь укрепила это представление. Страшная пандемия, воспринятая как неотвратимое наказание за грехи, не способствовала развитию медицинского описания или поиска лечения (несмотря на то, что клиническое описание болезни уже было в ходу к тому времени), но питала религиозные настроения, основанные на идеях покаяния и самобичевания, которые популяризировались, в том числе, францисканским орденом (*Моруа* 2021: 157). Набиравший популярность францисканский орден с начала XIII в. нес в массы житие св. Франциска Ассизского, который с помощью самобичевания стремился познать боль самого Христа, множество рассказов о праведниках, умерщвлявших свою плоть, становились примером, но и моральное самобичевание также приветствовалось и культивировалось (*Гуревич* 1990: 154). В этой атмосфере культ святых, способных, по мнению верующих, заступиться перед Богом, стал духовной альтернативой искореняемым церковью магическим практикам (*Гуревич* 1990: 154–156). Большая часть функций святых касалась различных болезней и недугов, так как они были основными и самыми частыми проблемами населения (*Гуревич* 1990: 71–78).

Поскольку все святые помощники изначально рассматривались как защитники от недугов и внезапной смерти, их объединение оказалось крайне востребованным в эпоху Чёрной смерти. Анализ их традиционных функций показывает, что многие из них покровительствовали именно против симптомов, ассоциировавшихся с чумой, что и обусловило стремительный рост их популярности в этот тяжёлый период.

В процессе распространения культа его состав продолжал меняться. Так, в Бернском регионе святого Эгидия часто замещал более почитаемый местно святой Леонард (*Campana* 2008: 166). В Италии в список часто включали святого Роха, также защитника от чумы, а святого Эразма могли заменять святым Николаем; встречались и такие фигуры, как святые Себастьян, Аполлония или Антоний Великий. В

германо-австрийских землях в ряд помощников иногда входили святой Вольфганг Регенсбургский, папа Корнелий или святой Альберт Великий. К XV в. от основного культа ответвилась ещё одна группа — Четыре святых маршала (святые Губерт, Антоний Великий, Квирин Нойский и папа Корнелий), почитаемая в регионах Кёльна, Аахена и Льежа. Это объединение представляет собой группу из наиболее приближенных к Престолу Божьему святых. В записях 1478 г. упоминается, что известны они, как часть святых помощников, еще с XIV в. (*Leichsenring* 2004: 5).

Новый мощный импульс для популяризации культа Четырнадцати святых помощников момент возник в 1445 г., когда пастуху Герману Лейхту близ цистерцианского монастыря в Лангхейме явилось видение плачущего ребенка. На следующий день пастух увидел того же ребенка в сопровождении двух огней, на третий день — вместе с четырнадцатью детьми, назвавшимися святыми помощниками и повелевшими построить на этом месте часовню (*Leichsenring* 2004: 7). По инициативе цистерцианских монахов близ Бамберга в окрестностях Бад-Штаффельштайна была построена часовня Четырнадцати святых помощников Фирценхайлиген, алтарь которой освятили в 1448 г. Весть о чудесном явлении и о часовне на его месте быстро разошлась по другим регионам Германии и за ее пределы, сделав Фирценхайлиген крупным центром паломничества (*Campana* 2008: 35), который посещали даже курфюрсты, императоры Священной Римской империи Фридрих III и Фердинанд I, а также, согласно некоторым данным, Альбрехт Дюрер (*Campana* 2008: 36).

Столь значительное паломническое движение способствовало проникновению культа в Австрию, куда полный образ всех четырнадцати святых пришёл именно во второй половине XV в. Возросший авторитет группы был официально закреплён в середине XV в., когда папа Николай V утвердил для неё индульгенции (*Leichsenring* 2004: 6).

Четырнадцать святых помощников, появившись в первой половине XIV в. в районе Регенсбурга, до середины XV в. распространялись сугубо по немецким территориям — в Нюрнберг, Бамберг, Вюрцбург и далее по всей стране. Распространение культа Четырнадцати святых помощников прошло две основные волны. Первая была непосредственно связана с эпидемией чумы, создавшей острую потребность в сверхъестественных защитниках от болезней и смерти, что обеспечило группе широкую известность в пределах Германии. Вторая волна была вызвана созданием крупного паломнического центра в Фирценхайлигене, чему способствовала легенда о чудесном явлении. Это паломничество высшего уровня способствовало выходу культа за пределы Германии, в частности, в Австрию, а также закрепило его высокий статус в церковной иерархии. Еще в 1377 г. его основа — объединение трех мучениц, — было документально утверждено в регенсбургской епархии, и в первой половине XV в. это объединение уже существовало на территориях Австрии, но образы всех четырнадцати святых пришли в страну в полном составе именно в середине — во второй половине XV в.

Выводы

Рассмотренные примеры св. Христофора и Четырнадцати святых помощников могут позволить утверждать, что влияние вспышек болезней, эпидемий и пандемий ярко просматривается в изменениях, происходивших в христианском культе святых. На примере отдельно взятого святого можно проследить появление в его образе новых функций, таких как защитника от внезапной смерти и от чумы — что напрямую связано с крупной эпидемией и повышением смертности в связи с ней. Изменения в

почитании святого происходят именно в периоды наибольшего запроса на защиту от болезни, и затрагивают не только само поклонение, но и его визуальное отражение. Новые функции св. Христофора вызвали появление большего количества его изображений, а также появление новых признаков этих изображений: увеличенный размер и перенос на фасады храмов, чтобы защита была доступна большему количеству людей.

На примере группы Четырнадцати святых помощников удалось проследить создание нового объединения внутри культа святых в связи с запросом на защиту от болезней. Группа появилась еще в XIII в., но популярность и широкое распространение получила именно в периоды эпидемии чумы XIV в. и после нее. Именно в этот период группа начала дополняться новыми святыми, а также происходили замены на месточтимых святых на новых для объединения территориях.

Таким образом, на этих двух примерах можно проследить серьезное влияние вспышек болезней, эпидемий и пандемий на христианскую религиозную культуру. В связи с этими событиями возникал новый спрос на защиту от угроз здоровью, и в попытке удовлетворить этот спрос внутри христианской религии, являвшейся одной из основных частей жизненного уклада человека в течение многих веков, возникали новые части культа святых, молитвенные тексты и визуальные отображения.

Источники и материалы

De S. Christophoro Martyre 1729 — De S. Christophoro Martyre, Jul. VI. Acta Sanctorum. 1729. P. 146–149.

Passio 1882 — Passio Sancti Christophori Martyris. Analecta Bollandiana. 1882. P. 394–405.

Ворагинский 2018 — Ворагинский И. Золотая легенда. Жития святых. М.: Пальмира, 2018. С. 331–338.

Harley MS — Harley MS 2255 A Collection of Poems by John Lydgate. 1460–1470. British Library. Add MS — Add MS 89250 The Mostyn Psalter-Hours. 1275–1325. British Library.

Egerton MS — Egerton MS 2781 Book of Hours, Use of Sarum (The ‘Neville of Hornby Hours’). British Library.

Научная литература

Аръес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 42–45.

Гуревич А. Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 544 с.

Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.

Делюмо Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII века). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. 750 с.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

Моруа А. История Германии. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. 320 с.

Уикхем К. Средневековая Европа: От падения Рима до Реформации. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 446 с.

Campana L. Die 14 Heiligen Nothelfer: Herkunft und Verehrung; Konkurrenz zur Medizin; Leben und Legenden; Reichweite und Bildnisse; Schwerpunkt Schweiz. Lauerz: Theresia-Verl, 2008. 384 p.

Fuhrmann H. Bilder für einen guten Tod. München, 1997. 54 p.

Hahn-Woernle B. Christophorus in der Schweiz, Seine Verehrung in bildlichen und kultischen Zeugnissen. Basel, 1972. 204 p.

Leichsenring J. Die Vierzehn Nothelfer in ihrer mittelalterlichen Darstellung. München: GRIN Verlag, 2004. 16 p.

- Mayer A. L. Die heilbringende Schau in Sitte und Kult // Heilige Überlieferung. Ausschnitte aus der Geschichte des Mönchtums und des heiligen Kults. Münster: Aschendorff, 1938. P. 234–262.
- Poeschel E. Die Kunstdenkmäler des Kantons Graubünden. Die Täler am Vorderrhein. Das Gebiet von Tamins bis Somvio. Basel, 1942. 465 p.
- Rigaux D. Une image pour la route: L'iconographie de saint Christophe dans les régions alpines // Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. Aubazine, 1996. P. 235–266.
- Rosenfeld H. F. Der hl. Christophorus, Seine Verehrung und seine Legende. Eine Untersuchung zur Kultgeographie und Legendenbildung des Mittelalters. 1938. Vol. 37. P. 3–552.

References

- Ariès, Ph. 1992. *Chelovek pered litsom smerti* [The Hour of Our Death]. Moscow: Progress-Akademiya. 526 p.
- Campana, L. 2008. *Die 14 Heiligen Nothelfer: Herkunft und Verehrung; Konkurrenz zur Medizin; Leben und Legenden; Reichweite und Bildnisse; Schwerpunkt Schweiz* [The 14 Holy Helpers: Origin and Veneration; Competition with Medicine; Lives and Legends; Reach and Depictions; Focus on Switzerland]. Lauerz: Theresia-Verl. 384 p.
- Delumeau, J. 2003. *Grekh i strakh. Formirovanie chuvstva viny v tsivilizatsii Zapada (XIII–XVIII veka)* [Sin and Fear: The Emergence of a Western Guilt Culture, 13th–18th Centuries]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 750 p.
- Fuhrmann, H. 1997. *Bilder für Einen Guten Tod* [Images for a Good Death]. München. 54 p.
- Gurevich, A. Ya. 1990. *Srednekovyi mir: kul'tura bezmolstvuiushchego bol'shinstva* [The Medieval World: Culture of the Silent Majority]. Moscow: Iskusstvo. 396 p.
- Gurevich, A. Ya. 2007. *Izbrannye trudy. Kul'tura srednekovoi Evropy* [Selected Works. The Culture of Medieval Europe]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 544 p.
- Hahn-Woernle, B. 1972. *Christophorus in der Schweiz, Seine Verehrung in Bildlichen und Kultischen Zeugnissen* [Christopher in Switzerland, His Veneration in Pictorial and Cultic Evidence]. Basel. 204 p.
- Le Goff, J. 1992. *Tsivilizatsiia srednekovogo Zapada* [Medieval Civilization 400–1500]. Moscow: Izdatel'skaia gruppa Progress, Progress-Akademiia. 376 p.
- Leichsenring, J. 2004. *Die Vierzehn Nothelfer in Ihrer Mittelalterlichen Darstellung* [The Fourteen Holy Helpers in Their Medieval Depiction]. München: GRIN Verlag. 16 p.
- Mayer, A. L. 1938. Die heilbringende Schau in Sitte und Kult [The Saving Spectacle in Custom and Cult]. In *Heilige Überlieferung. Ausschnitte aus der Geschichte des Mönchtums und des heiligen Kults* [Sacred Tradition. Excerpts from the History of Monasticism and Sacred Worship]. Münster: Aschendorff. 234–262.
- Maurois, A. 2021. *Istoriia Germanii* [Illustrated History of Germany]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus. 320 p.
- Poeschel, E. 1942. *Die Kunstdenkmäler des Kantons Graubünden. Die Täler am Vorderrhein. Das Gebiet von Tamins bis Somvio* [The Art Monuments of the Canton of Graubünden. The Valleys on the Vorderrhein. The Area from Tamins to Somvio]. Basel. 465 p.
- Rigaux, D. 1996. Une Image Pour la Route: L'iconographie de Saint Christophe dans les Régions Alpines [An Image for the Road: The Iconography of Saint Christopher in the Alpine Regions]. In *Actes des Congrès de la Société des Historiens Médiévistes de L'enseignement supérieur Public* [Proceedings of the Congresses of the Society of Medieval Historians of Public Higher Education]. Aubazine. 235–266.
- Rosenfeld, H. F. 1938. Der hl. Christophorus, Seine Verehrung und seine Legende [St. Christopher, His Veneration and His Legend]. *Eine Untersuchung zur Kultgeographie und Legendenbildung des Mittelalters* 37: 3–552.
- Wickham, C. 2020. *Srednekovaya Evropa: Ot padeniia Rima do Reformatsii* [Medieval Europe: From the Fall of Rome to the Reformation]. Moscow: Al'pina non-fikshn. 446 p.